

Цинь Чжо на мгновение ослепила чистая, невинная красота своего друга детства. Он поспешно отвёл взгляд и трижды мысленно повторил: «Я натурал», надеясь вернуть утраченное душевное равновесие.

К счастью, дружба между Цинь Чжо и Фу Шилю не была той фальшивой показухой, что обычно связывает наследников богатых семей. Обратившись к остаткам совести, Цинь Чжо со скрученным от боли сердцем отказался:

— Нет уж, уволь. Боюсь, мне не суждено ворочать триллионами. Поищи-ка другого дурака, братишка.

Фу Шилю разочарованно протянул унылое «о-о-о». Заметив, что тот уже готов войти в образ и увязнуть в пучине дешёвой драмы, Цинь Чжо потянулся к низкому столику, взял нетронутый бокал с крепчайшей водкой «Улянъе» и с самым преданным видом протянул другу:

— Ну же, Шилю, сделай глоток водички. Промочи горло, а потом продолжишь.

Какая поразительная, трогательная до слёз дружба! Фу Шилю, даже не взглянув на содержимое бокала, схватил его и осушил залпом.

Спустя пять секунд Цинь Чжо спихнул с себя обмякшее тело друга. Поднявшись, он упёр руки в бока, шумно выдохнул и достал телефон, чтобы набрать Линь Мина — незаменимого личного помощника Фу Шилю, который ждал внизу.

— Сяо Мин, поднимайся, — скомандовал Цинь Чжо. — Твой юный господин в стельку пьян, увози его домой.

— Молодой господин Цинь, — с укоризной отозвался Линь Мин, — мой подопечный ещё совсем ребёнок. Ну как вы могли позволить ему пить?

Цинь Чжо скрипнул зубами и процедил, чеканя каждое слово:

— Сяо Мин, мне что, нужно напоминать, что твоему «ребёнку» уже давно есть восемнадцать? И какой к чёрту ребёнок?! По новым возрастным стандартам две тысячи двадцать пятого года его даже подростком не назовёшь — те как минимум года на четыре младше этого лба! Так что изволь величать его достойным молодым строителем социализма!

Линь Мин с абсолютно бесстрастным лицом сбросил вызов, отложил портативную приставку, выбрался из своего чёрного «БМВ» и направился к лифту, чтобы подняться на верхний этаж.

Через десять минут Линь Мин, бережно придерживая спящего мертвецким сном хозяина, уложил его на заднее сиденье и обратился к устроившемуся впереди Цинь Чжо:

— Молодой господин Цинь, очень прошу вас, не спаивайте его больше.

— Да я и сам не рад, — развёл руками Цинь Чжо. — Но раз так, Сяо Мин, подскажи мне хоть один цивилизованный способ заткнуть твоего ненаглядного господина.

Линь Мин лишь промолчал. Задача и впрямь не имела решения.

Забрезжил рассвет. Первые лучи солнца робко коснулись горизонта, окрасив облака в нежные розоватые тона, а далёкие горные вершины потонули в лёгкой предрассветной дымке.

Огромное поместье, раскинувшееся в самом сердце мегаполиса, где каждый клочок земли ценился на вес золота, дремало в золотистом тумане. На его необъятной территории умещались собственные поля для гольфа, спортивные площадки, тенистые рощи, сады, извилистые речушки и чистые озёра.

Кованные позолоченные ворота, преграждавшие путь к частной аллее, бесшумно разошлись в стороны, и на территорию усадьбы медленно въехал удлинённый представительский «Роллс-Ройс».

Автомобиль мягко затормозил у величественного фонтана со статуей Купидона. Дверь плавно распахнулась, и он ступил на асфальт, обнажив изящную бледную щиколотку.

Из салона вышел юноша, одетый на удивление просто, точь-в-точь как обычный студент: свободные брюки из чёрного льна, простая белая футболка и белые кеды.

Однако его внешность мгновенно выдавала благородное происхождение. Тонкие, безупречные черты лица, бледная кожа, густые волосы оттенка тёмного чая и глубокие, почти чёрные глаза приковывали взгляд. Статный, широкоплечий юноша ростом под метр восемьдесят пять казался воплощением благородного спокойствия и сдержанности. Яркие лучи утреннего солнца, касаясь его фигуры, словно преломлялись, оседая на плечах холодным лунным сиянием.

Он шёл в сопровождении мужчины и женщины, чья изысканная одежда и властная осанка выдавали в них представителей высшего общества. По левую руку от него вышагивал суровый Фу Юаньшань — председатель совета директоров Корпорации Фу. Справа держалась элегантная, безупречно холодная Чжун Яньцзюнь, возглавлявшая Капитал Чжун. Одного взгляда на эту чету было достаточно, чтобы понять: это люди, наделённые безграничной властью.